

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. Г. ЛЕВИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЯПОНИИ

Литература по антропологии Японии, относящаяся как к прошлым десятилетиям, так и к недавним годам, довольно богата исследованиями, посвященными отдельным локальным группам японского народа.

Не касаясь старых работ¹, укажем некоторые из новейших исследований, принадлежащих японским авторам. Они опубликованы в специальном японском антропологическом издании «Дзинруйгаку Сюхо»² и некоторых других органах. Это работы Мацуда по японцам префектуры Мие³, Фуруя — по японцам области Санъин⁴, Хириси — по японцам провинции Кинки⁵, Кохама и Като по антропологии уроженцев острова Садо⁶, Кохама и других по антропологии уроженцев острова Оки⁷.

К сожалению, программа как старых, так и новых исследований японских авторов ограничивается немногими измерительными признаками. Статистические данные по описательным признакам, весьма существенным для целей расового анализа, в литературе почти отсутствуют.

Изложение материалов отдельных работ потребовало бы много места. Основное, что можно почерпнуть из них, состоит в отмеченных авторами указанных публикаций значительных различиях по отдельным признакам между локальными группами даже небольших территорий. Так, в материалах Мацуда по японцам префектуры Мие выявляются различия в антропологических признаках между группами населения отдельных частей этого сравнительно небольшого района. Эти различия автор связывает с географическими условиями — наличием горных

¹ Обзор их дан в нашей книге «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» (Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XXXVI, 1958).

² Издается лабораторией анатомии факультета медицины университета Ниигата. Имеет и английский заголовок «Anthropological Reports». Статьи снабжены кратким резюме на английском языке.

³ H. Matsuda, Somatological Studies on the Inhabitants in Mie Prefecture, «Anthropological Reports», 1959, № 23.

⁴ T. Furuya, A Study of Physical Anthropology on the Inhabitants in San-in-District, «Anthropological Reports», 1959, № 24.

⁵ S. Hiroishi, Physical Anthropology of Kinki District. Somatometrical Studies on the Inhabitants in Shiga Prefecture, «Anthropological Reports», 1959, № 24.

⁶ M. Kohama and S. Kato, A Supplement to the Somatometry in Sado Island, «Anthropological Reports», 1957, № 18.

⁷ M. Kohama, S. Kato, I. Wakisaka, T. Furuya, A Supplement to the Physical Anthropology of the Oki Islands, «Anthropological Reports», 1958, № 2.

цепей (горы Судзука между Ига и Исэ и горы Кии между Исэ и Куманонада). Эти горные цепи, хотя они и невысоки (около 1000 м), препятствуют сообщениям и смешению населения соседних территорий.

В работе отмечены различия в антропологическом типе жителей равнины и горных районов; в последних головной указатель несколько выше, высотный диаметр головы меньше, длина тела также меньше.

Влияние географических условий (наличие хребтов, препятствующих общению между отдельными группами) на антропологический состав населения разных частей префектуры Сига подчеркивает и Хироси.

Новейшая обобщающая работа по антропологии японцев принадлежит известному японскому антропологу Мотоцугу Кохама. Это статья, опубликованная в 1960 г. и озаглавленная: «Антропометрическое изучение японцев. О локальных различиях и происхождении японцев»⁸. М. Кохама, как и другие японские антропологи, оперирует только измерительными признаками⁹.

В статье приведены многочисленные диаграммы, в которых по отдельным признакам и суммарно — по методу средних разниц — японцы (две группы: японцы Тохоку и японцы Кинаи) сопоставлены с айнами, корейцами, маньчжурами, монголами-халха, ороками Сахалина, китайцами Шаньдуна, папуасами, эскимосами, чукчами, ламутами, коряками, камчадалами и таи.

Цифровые характеристики отдельных локальных групп японцев в рассматриваемой работе, к сожалению, отсутствуют. Карта приведена только одна — распределения головной указателя по Японии (с разбивкой амплитуды вариаций на 3 категории: $x - 80,9$, $81,0 - 81,9$, $82,0 - x$).

Основные выводы сформулированы автором следующим образом: японцев в целом можно разбить на две большие группы: 1) группа Тохоку-Уранихон занимает Тохоку до северных районов Канто включительно, побережье Японского моря, северную часть Кюсю и прилегающие острова; 2) группа Кинаи занимает в основном район Кинаи (т. е. префектуры Киото, Осака, Нара), доходит к западу по побережью Внутреннего моря до Кюсю, достигает островов Цусима, а на восток по тихоокеанскому побережью простирается до южного Канто. Таким образом, остров Хонсю в центрально-западной части разделяется границей распространения этих групп по линии, идущей с северо-востока на юго-запад.

К японцам группы Тохоку наиболее близки айны, к японцам группы Кинаи — корейцы. Наиболее репрезентативные для группы Кинаи японцы даже ближе к корейцам, чем к японцам Тохоку. Но и на западе Японии, особенно на прилегающих островах, немало индивидов, похожих на айнов. Очевидно, заключает автор, группа Тохоку раньше была характерна для всей Японии. В дальнейшем имело место переселение из Кореи; пришельцы прошли Внутренним морем, достигли Кинаи и привнесли новые признаки. Об этом свидетельствуют отдельные островки — реликты типа Тохоку в окружении типа Кинаи. Население области Тохоку первоначально было представлено айнами, которые в результате многократных смешений с японцами — древними людьми Ва — дали современный тип Тохоку.

⁸ M. Kohama, An Anthropometrical Study of the Japanese. On the Local Differences and the Origin of the Japanese, «The Quarterly Journal of Anthropology», т. VII, № 1, 2. 1960.

⁹ Программа исследований, на которых основана работа Кохама, включает следующие размеры и индексы: длина тела, индексы, характеризующие пропорции тела (длина руки, длина ноги, позвоночника, выраженные в процентах длины тела), три основных диаметра головы и их указатели, скуловой диаметр, лицевой указатель, высота и ширина носа и носовой указатель.

В рассматриваемой статье не приведены материалы и не изложены аргументы, обосновывающие выделение двух групп — Тохоку и Кинаи, что для решения вопроса о локальных типах среди японцев представляло бы наибольший интерес. Автор указывает, что различия между упомянутыми группами особенно ярко проявляются в головном указателе.

Карты распределения других признаков в работе Кохама, как говорилось, не представлены, и мы не можем судить о том, насколько они согласуются между собою. Но даже для головного указателя, судя по приведенной карте, картина более сложная: в провинции Канто представлены все три категории величин головного указателя; то же мы видим и на острове Кюсю. Вряд ли можно сомневаться в том, что только по измерительным признакам, исключив важнейшие для расовой диагностики описательные признаки, неправомерно судить о степени морфологической близости и генетических связях антропологических типов, как это делает Кохама (в работе отсутствуют к тому же некоторые важные для диагностики измерительные признаки и привлечены такие, расово-таксономическое значение которых недостаточно обосновано).

Автор пользуется, как мы указывали, методом средних разниц. Недостатки этого метода, умноженные в рассматриваемой работе неудачным выбором признаков для сопоставления групп, выступают здесь очень отчетливо.

В целом, опубликованные в литературе материалы по антропологии Японии следует признать крайне недостаточными для освещения вопросов древней этнической истории японского народа, в первую очередь вследствие неполноты программы проводившихся исследований и существенных недостатков в приемах анализа и характере публикации полученных разными авторами данных.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы в значительной степени восполняют указанный пробел. Эти материалы собраны в результате антропологического обследования японцев-военнопленных во время Великой Отечественной войны¹⁰. Обследование проводилось по той же программе и методике, которые применяются антропологами московской школы в работах по изучению антропологического состава народов СССР¹¹.

Общее число исследованных превышает 10 тыс. чел. Собранный материал относится к уроженцам всех районов Японии. Лишь немногие префектуры представлены в наших материалах числом исследованных меньше 100 человек¹².

¹⁰ Исследование контингентов военнопленных для получения массового антропологического материала практиковалось, как известно, в разных странах в годы и первой, и второй мировой войны. Опубликовано, в частности, и работы, основанные на антропологических обследованиях советских военнопленных разных национальностей.

¹¹ Программа обследования включает 16 измерительных признаков и 30 описательных, — т. е. признаков, определяемых при помощи шкал или системы баллов (пигментация, развитие третичного волосяного покрова, описательная характеристика строения мозгового и лицевого отделов головы, мягких частей лица).

¹² В исследованиях по этнической антропологии важнейшее значение имеет выявление территориальных различий в антропологическом типе населения той или иной области или страны. Это может быть достигнуто при получении массового материала, его однородности по возрасту и другим показателям, его более или менее равномерном распределении по рассматриваемой территории, при соблюдении сходных условий наблюдения и, что представляется особенно существенным, при должной унификации методики исследования. При сборе рассматриваемых нами материалов указанные условия смогли быть соблюдены в должной мере. Все антропологи, участвовавшие в обследовании, прошли предварительную практику под руководством Г. Ф. Дебеца, который лично участвовал в работах. Все описательные признаки определялись им и автором настоящей статьи. Возможное влияние субъективной оценки в нашем случае сводится к минимуму, тем более, что уроженцы разных префектур примерно в равной доле исследовались разными участниками.

В настоящей статье мы ограничиваемся рассмотрением некоторых вопросов и приводим данные лишь по немногим локальным группам¹³.

Анализ собранных нами материалов свидетельствует о малой амплитуде вариаций отдельных признаков по территории Японии и большой пестроте в их географической дифференциации. Кривые распределения не обнаруживают сколько-нибудь заметных отклонений от нормальной; величины квадратических уклонений по отдельным признакам также не выходят за пределы обычных цифр. Средние величины по префектурам очень близки к средним, полученным для Японии в целом. В общем наши материалы позволяют заключить, что среди японцев представлен один, достаточно консолидированный антропологический тип.

При значительной однородности антропологического типа японцев у них все же намечаются различия в географическом сочетании признаков (см. таблицу на стр. 68—69). Наиболее отчетливо выявляются особенности антропологического типа уроженцев островов Рюкю. Эта группа характеризуется по сравнению со всеми другими самой малой длиной тела, наиболее низким, и абсолютно, и по указателю, лицом, самой темной пигментацией, наиболее сильным ростом бороды, бровей и волос на теле, слабым развитием складки века и эпикантуса, наиболее высоким носовым указателем, сильным выступанием крыльев носа.

Известную близость к этому типу обнаруживают уроженцы юго-восточной части острова Кюсю — префектуры Миядзак. Здесь мы находим сходное сочетание признаков: длина тела, и по японскому масштабу, небольшая, высота лица малая, морфологический лицевой указатель низкий, пигментация темная, носовой указатель высокий, развитие третичного волосяного покрова сравнительно сильное. Цифры головного указателя на Рюкю и на юго-востоке Кюсю несколько выше, чем средняя по Японии.

Другой центр сильного развития бороды мы находим на крайнем севере Главного острова и на Хоккайдо. Однако здесь это совпадает с сочетанием признаков, в значительной своей части противоположных тем, которые характерны для юга Японии. Уроженцы Хоккайдо характеризуются по сравнению с другими территориальными группами большой длиной тела, наиболее высоким лицом, наиболее светлой пигментацией (наибольшим процентом смешанных оттенков глаз), самым низким носовым указателем, слабым выступанием крыльев носа.

Наибольшую близость к уроженцам Хоккайдо обнаруживают уроженцы префектуры Аомори.

По головному указателю уроженцы Хоккайдо и северных префектур Хонсю попадают в категорию средних для Японии величин.

Своеобразное сочетание признаков обнаруживается на острове Сикоку. Уроженцы этого острова характеризуются в целом, по японскому масштабу, малой длиной тела, низким головным указателем, высоким носовым указателем, слабым ростом бороды. По пигментации, развитию эпикантуса, толщине губ, размерам лица средние по Сикоку близки к суммарным средним по Японии в целом.

Мы оставляем в настоящей статье вне рассмотрения вопрос о локальных вариантах в антропологическом типе японцев основных частей Хонсю и Кюсю. Отметим, что мозаичность в распределении признаков в этих областях проявляется в наибольшей степени, и локальные варианты, которые можно здесь различить, в целом близки к суммарному типу японцев.

Какова возможная расовая диагностика отмеченных нами выше географически приуроченных сочетаний признаков? В какой мере их

¹³ Подробная публикация подготавливается нами к печати.

можно связать с комплексами, распространенными за пределами Японских островов?

В опубликованной нами несколько лет назад работе¹⁴ мы, основываясь преимущественно на литературных данных, пришли к заключению о значительной однородности антропологического состава японцев; мы не смогли тогда выявить среди японцев локальные типы, имеющие определенные, более или менее значительные ареалы и связанные с расовыми типами вне Японских островов.

В настоящее время формулировки, данные в работе 1958 г., требуют уточнения и исправления. Если положение о том, что среди японцев представлен достаточно консолидированный антропологический тип, остается в силе, то вопрос о локальных вариантах и их связях с расовыми типами вне Японии получает несколько иное решение.

В какой степени выделенные выше географические сочетания признаков могут быть сопоставлены с описанными в литературе антропологическими типами?

В отношении того комплекса признаков, который был выявлен нами среди уроженцев Рюкю, поставленные вопросы могут быть решены, как нам представляется, с достаточной определенностью: этот комплекс обнаруживает явный сдвиг в сторону антропологического типа айнов.

Почти все особенности, отличающие антропологический тип уроженцев Рюкю от суммарного типа японцев — значительное усиление третичного волосяного покрова, более темная пигментация, ослабление монголоидных особенностей глазной области, увеличение носового указателя, меньшая высота лица и соответственно более низкий лицевой указатель, меньшая длина тела, — сближают рюкюсцев с айнами. Указанной диагностике противоречит сравнительно небольшая толщина губ у рюкюсцев¹⁵: айны характеризуются по сравнению с японцами более толстыми губами.

То же следует сказать и в отношении головного указателя: у рюкюсцев головной указатель по японскому масштабу сравнительно высокий, айны же, как известно, характеризуются по сравнению с японцами более низким указателем. Объяснить это противоречие нелегко¹⁶. Но какое бы решение этого вопроса ни было предложено, оно не может, по нашему мнению, опровергнуть тезис о наличии в составе уроженцев Рюкю айноидного компонента. Надо подчеркнуть, что речь идет не об айноидном типе у рюкюсцев, а лишь о некотором сближении их типа с типом айнов. Айноидный компонент в составе рюкюсцев лишь просвечивает сквозь толщу того комплекса признаков, который характерен для японцев в целом.

При такой антропологической структуре трудно было бы и ожидать, что все без исключения признаки современных районов проявятся у уроженцев Рюкю. Следует не только допустить, но и считать всего вероятнее, что айноидный компонент, вошедший в состав рюкюсцев, не по всем особенностям повторял признаки антропологического типа современных айнов Хоккайдо и Южного Сахалина, с которыми мы только и можем проводить сопоставление. Когда антропологу приходится иметь дело с реконструкцией древнего компонента в составе той или иной популяции, он должен учитывать многие обстоятельства: возможность отклонения в отдельных признаках в результате смеше-

¹⁴ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока (цит. выше).

¹⁵ Частично в наших материалах сказывается различие в возрастном составе. Но и при перерасчете — приведении к стандартизованному возрасту — отличие рюкюсцев по этому признаку, хотя и несколько сглаживается, остается достаточно заметным.

¹⁶ Нельзя исключить возможность того, что в наших материалах по рюкюсцам оказалась недостаточная представительность выборки.

Группы Признаки	Япония, суммарно			Хоккайдо			Аомори, Ивате, А�ита		
	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ
Длина тела, см	9222	159,8 $\pm$ 0,1	5,4	101	161,2 $\pm$ 0,5	5,3	603	159,8 $\pm$ 0,2	5,4
Продольный диаметр, мм	9265	187,1 $\pm$ 0,1	6,3	101	188,5 $\pm$ 0,6	6,3	608	188,6 $\pm$ 0,2	6,0
Поперечный диаметр, мм	9265	151,5 $\pm$ 0,1	5,1	101	151,9 $\pm$ 0,5	4,9	608	153,0 $\pm$ 0,2	5,2
Головной указатель	9222	81,1 $\pm$ 0,1	5,4	101	80,9 $\pm$ 0,4	3,5	603	81,2 $\pm$ 0,1	3,5
Морфологическая высота лица, мм	10271	128,9 $\pm$ 0,1	6,4	102	130,8 $\pm$ 0,5	5,3	618	129,4 $\pm$ 0,3	6,3
Скуловой диаметр, мм	10271	142,0 $\pm$ 0,1	5,0	102	142,4 $\pm$ 0,5	4,7	618	142,8 $\pm$ 0,2	5,1
Морфологический лицевой указатель	10265	90,9 $\pm$ 0,1	5,1	102	91,9 $\pm$ 0,4	4,4	618	90,7 $\pm$ 0,2	5,0
Высота носа от нижнего края бровей, мм	10294	57,3 $\pm$ 0,0	4,1	103	58,6 $\pm$ 0,4	3,6	619	58,4 $\pm$ 0,2	4,0
Ширина носа, мм	10277	36,5 $\pm$ 0,0	2,4	103	36,2 $\pm$ 0,3	2,7	620	36,3 $\pm$ 0,1	2,4
Носовой указатель	10277	64,3 $\pm$ 0,1	6,1	103	62,6 $\pm$ 0,5	5,3	619	62,5 $\pm$ 0,2	5,7
Толщина губ, мм	10243	20,2 $\pm$ 0,0	3,1	103	20,3 $\pm$ 0,3	3,1	618	19,9 $\pm$ 0,1	2,9
Рост бороды, ср. балл (1—5; 1—очень слабый)	5401	1,71		48	1,98		324	1,70	
Цвет кожи, ср. балл (0—2; 0—светлый)	10067	0,81		100	0,77		609	0,77	
% смешанных оттенков глаз	10274	4,4		102	9,8		621	7,5	
Эпикантус, ср. балл (0—3; 0—отсутствие)	10286	0,90		103	0,86		621	0,81	

ния, изменения, вызванные условиями изоляции, влиянием среды и другие.

Мы не располагаем, к сожалению, данными, чтобы выявить роль того или другого из названных факторов в сложении антропологического типа рюкюсцев. Можно высказать предположение о том, что некоторое повышение у них головного указателя есть отражение процесса брахиоцефализации. Этот процесс, который установлен по палеоантропологическим материалам для японцев Хонсю¹⁷, протекал, очевидно, в южных районах с разной степенью интенсивности, что вне зависимости от расовых смещений могло привести к различиям в этом признаке у населения южных частей Японии¹⁸.

Вопрос о расовой диагностике варианта, характерного для японцев острова Сикоку, решается, по нашему мнению, следующим образом: прослеживаемый здесь комплекс признаков обнаруживает определенный сдвиг в сторону южномонголоидных типов, точнее — к тому длинноголовому южномонголоидному расовому типу, который неоднократно описывался в литературе как «индонезийский». Усиление среди японцев Сикоку индонезийского компонента становится еще более отчетливым, если рассматривать не суммарный тип японцев Сикоку, а выделить уроженцев префектуры Кагава, где как показал анализ, «индонезийские» черты выражены в наибольшей степени. Указанная группа, если сопоставлять ее и с суммарным типом японцев Сикоку, и со средними по Японии в целом, характеризуется малой длиной тела, низким головным указателем, низким (абсолютно и по указателю) лицом, высоким носовым указателем, толстыми губами и такими, очень суще-

¹⁷ См. «Medieval Japanese Skeletons from the Burial Site at Zaimokuza, Kamakura City, Compiled by the Anthropological Society of Nippon», English Abstract, Tokyo, 1956.

¹⁸ Следует указать, кроме того, что черепа из неолитических погребений Японии, характеризующиеся выраженными айноидными чертами, отличаются сравнительно высоким черепным указателем.

Сикоку			Кагава			Рюкю			Миядзак		
N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ
868	159,2 $\pm$ 0,2	5,3	195	158,8 $\pm$ 0,4	5,3	98	157,3 $\pm$ 0,3	3,2	103	158,4 $\pm$ 0,5	5,3
795	188,0 $\pm$ 0,2	6,4	197	188,3 $\pm$ 0,5	7,0	98	187,4 $\pm$ 0,6	5,8	103	187,2 $\pm$ 0,6	6,5
795	150,4 $\pm$ 0,2	5,1	197	149,8 $\pm$ 0,4	5,4	98	152,1 $\pm$ 0,6	5,6	103	152,1 $\pm$ 0,5	5,1
792	80,1 $\pm$ 0,1	3,7	195	79,7 $\pm$ 0,3	4,2	98	81,3 $\pm$ 0,4	3,7	103	81,3 $\pm$ 0,4	3,7
870	128,9 $\pm$ 0,2	6,7	219	128,2 $\pm$ 0,5	6,7	102	126,3 $\pm$ 0,6	6,3	113	126,5 $\pm$ 0,6	5,5
870	141,9 $\pm$ 0,2	4,9	219	142,0 $\pm$ 0,3	5,1	102	142,3 $\pm$ 0,5	5,0	113	142,5 $\pm$ 0,4	4,7
870	91,0 $\pm$ 0,2	5,1	219	90,5 $\pm$ 0,4	5,5	102	88,7 $\pm$ 0,5	5,2	113	89,1 $\pm$ 0,4	4,6
873	57,0 $\pm$ 0,1	4,0	222	56,4 $\pm$ 0,3	4,0	102	55,2 $\pm$ 0,4	3,8	111	56,6 $\pm$ 0,3	3,5
871	36,8 $\pm$ 0,1	2,4	222	36,9 $\pm$ 0,2	2,3	101	36,6 $\pm$ 0,2	2,2	112	36,5 $\pm$ 0,2	2,6
871	65,1 $\pm$ 0,2	6,0	222	65,8 $\pm$ 0,4	5,8	101	67,0 $\pm$ 0,6	6,0	111	65,1 $\pm$ 0,6	6,0
861	20,3 $\pm$ 0,1	3,1	219	20,6 $\pm$ 0,2	3,2	102	18,9 $\pm$ 0,3	3,3	112	19,2 $\pm$ 0,3	2,8
534	1,58		142	1,53		78	2,32		65	1,65	
852	0,79		218	0,80		98	0,85		110	0,91	
871	4,5		222	1,4		100	1,0		112	3,6	
371	0,90		222	0,93		101	0,71		112	0,92	

ственными в данном случае для диагностики признаками, как темная пигментация и очень слабый рост бороды.

Еще Бельц, работы которого относятся к концу прошлого — началу нашего столетия, выделил в составе японцев следующие основные антропологические типы: айнский, маньчжуро-корейский и монголо-малаяйский¹⁹. Работа Бельца оказала большое влияние на развитие позднейших представлений об антропологическом типе японцев, и хотя его заключения были основаны в значительной степени на визуальных наблюдениях, они сохраняют свое значение и при современном уровне наших знаний. Анализ суммарного типа японцев позволяет выявить в их составе айнский, южномонголоидный (индонезийский) и дальневосточный компоненты.

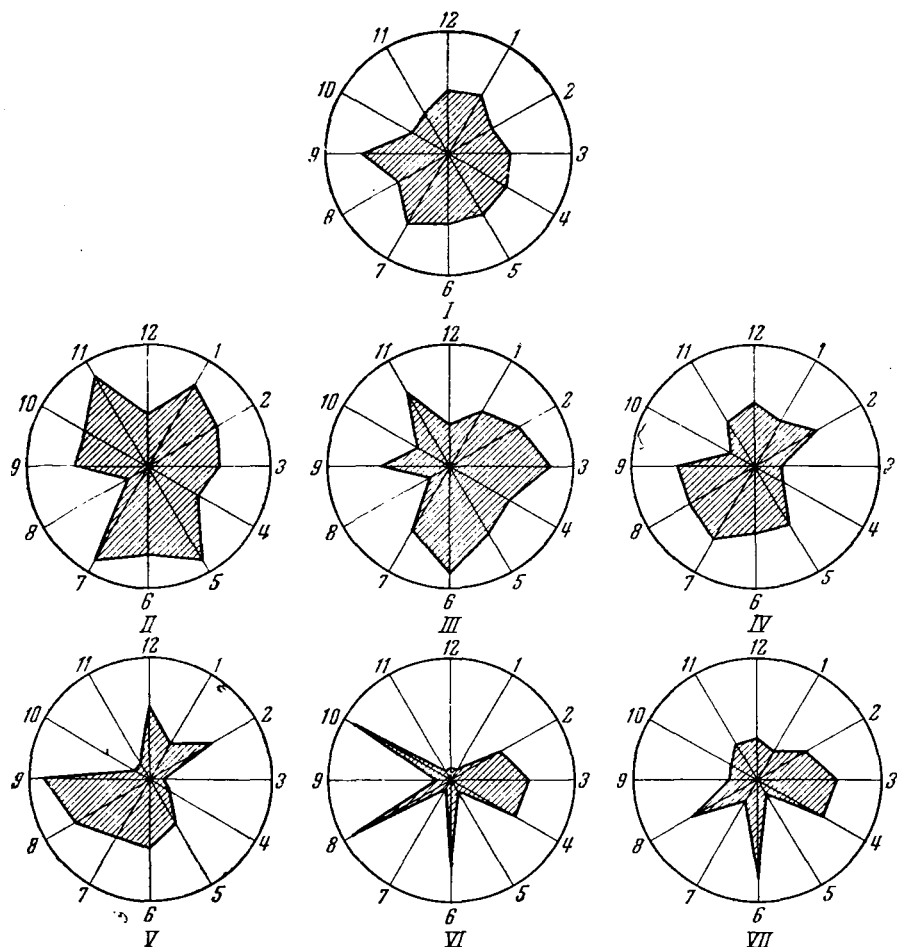
Необходимо, однако, тут же подчеркнуть, что при всем своеобразии айнского антропологического типа дифференциальная диагностика айнского и южномонголоидного компонентов в составе японцев оказывается далеко не простой. Действительно, такие особенности японцев, которые отличают их от корейцев, как более темная пигментация, более широкий нос, более толстые губы, более низкое лицо, меньшая длина тела, более низкий головной указатель, свойственны и айнскому и индонезийскому расовым типам. Поэтому особое значение приобретает тот факт, что по нашим материалам удастся, как мы видели выше, выделить определенные области, где примесь каждого из указанных типов в отдельности выявляется в наибольшей степени.

Переходим к рассмотрению того комплекса признаков, который обнаруживается на крайнем севере Хонсю и на Хоккайдо.

¹⁹ E. Baelz, Menschenrassen Ost-Asiens mit spezieller Rücksicht auf Japan, «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1901. Надо отметить, что в разных своих работах, отделенных друг от друга значительным временем, Бельц употребляет различную терминологию и дает несколько отличную характеристику выделенных им типов.

За счет каких расовых компонентов и какими условиями формирования можно объяснить своеобразие антропологического типа японцев на этой территории?

Усиление роста бороды у уроженцев Хоккайдо и Аомори можно, очевидно, отнести за счет более сильной у них айнской примеси, что хорошо согласуется с историческими сведениями о недавнем широком

Комбинационные полигоны по отдельным территориальным группам японцев: I — Япония, суммарно; II — Хоккайдо; III — Аомори, Ивате, Акита; IV — Сикоку; V — Кагава; VI — Рюкю, VII — Миядзакки.

На радиусах отложены величины признаков, отнесенные к следующим амплитудам вариации: 1 — длина тела (156,8—162,4 см); 2 — продольный диаметр (184,2—190,9 мм); 3 — поперечный диаметр (149,4—153,7 мм); 4 — головной указатель (79,0—82,9); 5 — морфологическая высота лица (125,8—131,3 мм); 6 — скуловой диаметр (140,5—143,1 мм); 7 — морфологический лицевой указатель (88,4—92,3); 8 — носовой указатель (61,6—67,5); 9 — толщина губ (18,7—20,9 мм); 10 — рост бороды (1,38—2,41); 11 — цвет глаз (% смешанных; 0,1—11,2); 12 — эпикантус (0,67—1,11)

расселении айнов не только на Хоккайдо, но и на крайнем севере Хонсю. Но этот фактор далеко не объясняет своеобразие в антропологическом типе японцев этой области. По некоторым признакам они обнаруживают, по сравнению с их соотечественниками центральной и южной Японии, некоторое сближение с корейцами (более высокий рост, более высокое лицо, более высокий нос и, соответственно, заметно более низкий носовой указатель, больший процент смешанных оттенков глаз).

Колонизация Хоккайдо шла, как известно, главным образом из северных районов Хонсю. Японцы этой части Главного острова сближаются с уроженцами Хоккайдо по ряду признаков.

Указанные выше черты сближения с корейцами могут найти свое объяснение, если принять, что в населении северной Японии в иных соотношениях сочетались южный (индонезийский) и дальневосточный (представленный у корейцев) компоненты, а именно: удельный вес последнего был здесь больше, чем в южных районах Японских островов. Однако и в этом случае нам следует искать и другие причины для уяснения тех различий, которые обнаруживаются между уроженцами Хоккайдо и уроженцами северных префектур Хонсю: японцы Хоккайдо оказываются по сравнению с японцами префектур Аомори, Ивате и Акита более высокорослыми и более высокими; процент смешанных оттенков глаз у них также несколько больше.

Остров Хоккайдо, как известно, — область очень поздней японской колонизации. Только после революции Мэйдзи 1868 г. этот остров реально стал частью собственно Японии, и только после этого времени началось усиленное переселение сюда японцев. В 1869 г. японское население острова составляло всего 58 тыс. чел., в 1885 г. на Хоккайдо насчитывалось 287 тыс. япоцев, а в 1946 г. общее число жителей достигло 3488 тысяч²⁰. Переселение на Хоккайдо лиц не японского происхождения, если имело место, то было количественно совершенно ничтожно.

В каком направлении и в какой степени могло сказаться в антропологическом типе японцев Хоккайдо влияние колонизации?

Вопрос об изменении антропологического типа населения в связи с колонизационными процессами имеет обширную литературу²¹. Сколько-нибудь подробное рассмотрение его выходит за пределы настоящей статьи. Можно оставить в стороне работы, в которых рассматриваются особенности иммигрантов первого поколения, — там вопрос обычно неправильно трактуется с позиций селекционных факторов.

При нашем обследовании к уроженцам той или иной префектуры относились лица, отец и мать которых родились в данной префектуре. В число уроженцев Хоккайдо попали только те, родители которых были уроженцами острова. В наших материалах представлены, таким образом, иммигранты второго и более поздних поколений.

Некоторое увеличение длины тела, отмеченное у уроженцев Хоккайдо по сравнению с их соотечественниками из северных районов Хонсю, следует, возможно, отнести за счет повышения общего жизненного уровня населения. Надо учитывать и другие возможные факторы. В антропологической литературе указывалось на увеличение длины тела в популяции, сложившейся из смешения различных групп одного народа. смешения, расширяющего круг брачных связей, в прошлом более узкий в каждой из смешавшихся групп. Несомненно, этот процесс имел место у населения острова Хоккайдо, куда переселенцы прибывали из разных мест.

Вопросы об увеличении высоты лица и некоторой депигментации у уроженцев Хоккайдо более сложны, и мы вынуждены в настоящей статье оставить их вне рассмотрения.

²⁰ Г. Треварта, Япония. Физическая и экономическая география, М., 1949, стр. 270—275.

²¹ Можно указать недавнюю сводку по данному вопросу: В. А. Карлан, Environment and Human Plasticity, «American Anthropologist», т. 56, № 5, ч. 1, 1954. Из более ранних работ, представляющих для нас особый интерес, следует отметить обширное исследование Г. Шапиро о японцах, иммигрировавших на Гавайские острова. См. H. L. Shapiro, Migration and Environment. A Study of the Physical Characteristics of the Japanese Immigrants to Hawaii and the Effects of Environment on their Descendants, Oxford University Press, 1939.

* * *

Формирование антропологического типа японцев и его локальных вариантов может быть правильно понято только в свете данных палеоантропологии и археологии Японских островов.

Череп из неолитических погребений Японии изучались разными авторами. Одни из них отмечали большое сходство неолитического населения с айнами, другие, напротив, отрицали такое сходство и сближали неолитическое население с современными японцами²². Имеющиеся материалы позволяют сделать следующие выводы. Несмотря на значительные различия между отдельными сериями неолитических черепов, в них отчетливо выступают общие черты; они касаются основных признаков в пропорции лица, орбит, носового скелета. Череп из неолитических погребений характеризуется широким и очень низким лицом, низкими орбитами и соответственно низким орбитным указателем, сравнительно коротким и широким носом и высоким, следовательно, носовым указателем; неолитические черепа обнаруживают по сравнению с айнскими и японскими более выраженный общий прогнатизм. По всем основным признакам неолитические черепа сближаются с айнскими и занимают крайнее положение по сравнению с черепами японцев.

Теорию, усматривающую прямую преемственность между неолитическим населением и японцами, равно как и взгляды, согласно которым население Японских островов эпохи неолита не связано ни с айнами, ни с японцами, следует признать несостоятельными.

Вопреки гипотезе о многократных миграциях на Японские острова из Сибири в разные периоды культуры дзёмон имеются основания утверждать, что население Японии на ранних этапах своей истории, начиная с эпохи первоначального заселения островов, обнаруживает связи с Юго-Восточной и Восточной Азией.

При всем локальном разнообразии, при всех различиях, которые выявляются между культурами разных этапов неолитического периода (культура дзёмон), в общем прослеживается последовательное развитие, преемственность и в основных типах керамики и в прочем инвентаре. Вычурная, сложная керамика среднего и позднего дзёмона при всем своем своеобразии обнаруживает глубокие корни в керамике предшествующего времени. Это еще в большей степени справедливо по отношению к каменному инвентарю японского неолита. Стилизованная гротескная скульптура поздних этапов дзёмон опять-таки восходит к более простым формам предыдущих этапов.

Различия между синхронными неолитическими культурами разных частей Японии значительны. Здесь следует учитывать географическую расчлененность территории Японских островов: удобные для освоения долины отделены от соседних цепями гор, а население этих долин и в более позднее время находилось в условиях значительной изоляции²³.

Совершенно новый этап в истории древнего населения Японских островов связан с появлением культуры яёй, ранние памятники которой датируются первыми веками до н. э. Первоначальной областью распространения этой культуры в Японии является, по-видимому, остров Кюсю. Археологические материалы позволяют проследить продвижение культуры яёй с юга на север. Ближайшие ее параллели мы находим в Корее и Китае. Особенно близкие аналогии обнаруживаются в южной Корее. Именно здесь мы находим и наиболее сходную керамику, и близ-

²² Особенно энергичными противниками теории об айнской принадлежности неолитического населения Японии выступили К. Киёно и Х. Миямото, усматривавшие в неолитическом населении общие черты с японцами. См.: К. Киёно, Нихон Миндзоку сёсэй-рон (Формирование японской народности), Токио, 1944 (на японск. яз.).

²³ См. М. Г. Левин, Указ. раб.

кие типы орудий и оружия, и двойные погребения в урнах. В Корее и Китае, как известно, и рисосеяние, и скотоводство, и металл значительно древнее самых ранних памятников яёй на Японских островах. Это может быть истолковано только как свидетельство того, что связи Японских островов с материком в эпоху, предшествовавшую первым векам до н. э., не были сколько-нибудь значительными, в противном случае следовало бы ожидать проникновения сюда этих культурных достижений. Тот факт, что распространение их на Кюсю и в прилегающих районах охватывает сравнительно очень небольшой отрезок времени, что именно на Кюсю мы находим памятники наиболее «чистой» культуры яёй, говорит, как нам представляется, в пользу переселений с материка.

Проникнув на Японские острова, новые пришельцы смешивались с древним населением, частично ассимилируя его, частично, по-видимому, растворяясь в его составе. Эти процессы протекали различно в разных частях Японии²⁴.

Для истории периода яёй наука располагает и свидетельствами письменных китайских источников, повествующих о людях Ва, населявших северный Кюсю и связанных с племенами Корей. О позднейших событиях (с VII в. н. э.) рассказывают японские источники, рисующие борьбу ямато — предков японцев с племенами кумасо, обитавшими в южной части Кюсю (в более поздних источниках население этой территории фигурирует под названием хаято), и с племенами севера, известными под именем «эбису». Эти источники позволяют проследить постепенное вытеснение эбису (предков айнов) все более к северу. Одновременно шел процесс ассимиляции айнов японцами, который имел своим результатом и японскую примесь в составе айнов.

Наличие значительного айнского компонента в составе японцев не подлежит сомнению. Уже одного, столь заметного у японцев по сравнению с корейцами, усиления третичного волосяного покрова достаточно, чтобы признать это положение доказанным.

Теория южного происхождения айнов, наиболее полно аргументированная Л. Я. Штернбергом, равно как и представление о генетическом их родстве с типами экваториального расового ствола, кажутся нам наиболее отвечающими современному состоянию наших знаний²⁵.

Сложнее решается вопрос о путях продвижения айнов на Японские острова. По гипотезе Л. Я. Штернберга оно шло через Филиппинские острова, Тайвань и острова Рюкю. Выявившееся в наших материалах значительное усиление айнских черт в антропологическом типе японцев Рюкю может служить аргументом в пользу включения этих островов в маршрут древних миграций предков айнов.

Вопрос об индонезийском компоненте в составе японцев — один из наиболее сложных и вместе с тем наименее разработанных вопросов этнической истории Японии. Южные элементы в культуре японцев отмечают все писавшие по этому вопросу авторы; только немногие из этих элементов могут быть отнесены за счет айнского вклада в японскую культуру. В японском языке, по заключению лингвистов, прослеживаются черты, связывающие его с языками далекого Юга; особенно заметны в нем включения из австронезийских языков.

²⁴ Нельзя принять точку зрения тех авторов, которые видят в культуре яёй только продолжение культуры дзёмон и отрицают значение переселений в ее возникновении. Несостоятельна также старая точка зрения, согласно которой появление и развитие культуры яёй на Японских островах протекало без всякого участия местного древнего населения.

²⁵ См.: Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций. В кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XVI, 1951).

В антропологическом типе японцев южномонголоидный («индонезийский») компонент выступает достаточно отчетливо. Если отвлечься от айнской примеси, то по ряду морфологических признаков японцы занимают промежуточное место между восточными и южными монголоидными группами.

Всего вероятнее, что проникновение индонезийского компонента относится к периоду, предшествовавшему появлению на Японских островах культуры яёй. О путях его проникновения в Японию мы можем, при современном состоянии археологической изученности Восточной и Юго-Восточной Азии, строить только догадки. Эти пути могли пролегать через Филиппины. Другое предположение было высказано В. Эберхардом. Этот автор связывает «малайский» (очевидно, протомалайский — индонезийский) компонент в составе японцев с народами юэ Южного Китая²⁶.

Усиление индонезийского компонента у уроженцев острова Сикоку следует объяснять, по-видимому, тем, что этот остров на протяжении длительного исторического периода лежал в стороне от тех путей, по которым шел приток новых переселенцев — носителей культуры яёй; это способствовало сохранению здесь древних черт в антропологическом типе населения.

Распространение на Японских островах культуры яёй было связано с переселением значительных групп населения с материка. С этими группами следует, очевидно, связать и тот общий пласт в корейском и японском языках, который признается многими лингвистами.

По своему антропологическому типу эти переселенцы относились, несомненно, к дальневосточным монголоидам. Здесь следует иметь в виду следующее обстоятельство: брахицефалия, которая столь характерна для современных корейцев, — явление, по-видимому, сравнительно позднее; те группы, которые переселялись из Кореи на Японские острова на рубеже нашей эры могли и не обладать этой особенностью.

Исходя из сказанного, мы можем следующим образом формулировать историю сложения антропологического типа японцев. Древнейшим пластом может считаться айнский, который в наших материалах всего сильнее выявляется на крайнем юге и на крайнем севере страны. Индонезийский компонент всего отчетливее обнаруживается у японцев Сикоку, и в первую очередь у уроженцев префектуры Кагава. Первоначальное проникновение антропологических типов дальневосточного круга форм на Японские острова следует связывать с распространением культуры яёй.

Длительное смешение указанных компонентов в условиях изоляции на Японских островах привело к сложению достаточно однородного антропологического типа современных японцев при сохранении, однако, ряда локальных вариантов.

SUMMARY

Literature on the physical anthropology of Japan abounds in studies dealing with different local groups of the Japanese people. Yet the material available is on the whole not sufficient for an elaboration of the early ethnic history of Japan, largely due to the incompleteness of the investigations made.

The materials published in the present preliminary article will to a certain degree fill this gap. An analysis of these materials testifies to the small range of variations in the individual anthropological characteristics observed on the territory of Japan. Given the considerable homogeneity of the Japanese anthropological type, certain distinctions in the geographical combination of these characteristics are nevertheless

²⁶ W. Eberhard, Early Chinese Cultures and their Development. A New Working Hypothesis, «Smithsonian Institution Annual Report, I, 1937», Washington, 1938.

traceable. Particularly marked are the peculiar features in the anthropological type of the natives of Ryukyu Island. As compared with other groups, this group has minimal stature, the lowest face (both absolutely and according to the index), the darkest pigmentation, copious beard, eyebrows and hair on the body, a slight eye fold and epicanthus, the highest nasal index. A certain proximity to this type is evinced by the natives of Miyazaki Prefecture. Nearly all the features distinguishing the Ryukyu anthropological type from the summary Japanese type approximate those of the Ainus. It should be stressed that we do not assert the Ainu type of the Ryukyu natives, but merely claim a certain proximity between the latter and the Ainu type.

A peculiar combination of characteristics is found on Shikoku Island. Its natives are on the whole characterized by short stature (according to Japanese standards), a low head index, a high nasal index, scarce beard. This totality of characteristics suggests a resemblance to South-Mongoloid racial types, or rather to the dolichocephalic South-Mongoloid type known as the «Indonesian». «Indonesian» features are especially marked among the natives of Kagawa Prefecture.

The establishment of a differential diagnostic of the Ainu and South-Mongoloid strains among the Japanese population is a very complicated matter. Particular importance therefore attaches to the fact that in our materials we succeeded in establishing the areas where the admixture of each of the above-mentioned types is displayed with especial clarity.

In the north of Honshu and on Hokkaido a relatively intensive growth of the beard is coupled with high stature (as Japanese standards go), a high face, a low nasal index, and the lightest pigmentation. Judging by certain features, the natives of these regions approximate the Korean type. An explanation for this will be found if it is assumed that in the population of Northern Japan, the Southern (Indonesian) and Far-Eastern (represented by the Koreans) strains were combined in different proportions — i. e., the proportion of the latter was higher in this area than in the south of the Japanese Islands.

There are some other factors that should be taken into account. It has been pointed out in anthropological literature that an increase in stature is observed in populations emerging on the basis of the intermingling of various groups of one people, inasmuch as such intermingling extends the scope of marriage ties, formerly more restricted within each group. This very process occurred among the population of Hokkaido, where settlers from different areas arrived.

The concluding part of the article deals with the problems of the ethnic history of Japan in the light of anthropological data. The Ainu strain may be regarded as the earliest. According to our materials, this strain is particularly marked in the extreme south and the extreme north of the country. The Indonesian strain is especially pronounced among the Japanese of Shikoku, primarily the natives of Kagawa Prefecture. The initial penetration of anthropological types of the Far-Eastern cycle to the Japanese Islands should be associated with the spread of Yayoi culture.

A prolonged intermingling of the above-mentioned strains, given the isolation of the Japanese Islands, resulted in the emergence of a sufficiently homogeneous modern Japanese type, with the preservation, nevertheless, of several local variants.
